

АЛЕНА СЕРГЕЕВНА ДАВЫДОВА

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
ФИЦ «Кольский научный центр РАН» (Апатиты, Россий-
ская Федерация)
Alyona-797@mail.ru

О КОНСТРУИРОВАНИИ БИОГРАФИЙ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ОДНОГО ПРИХОДА

Впервые рассматриваются биографические траектории священнослужителей православного прихода, определенный период жизни которых был связан с городом, основанным в первой половине XX века на Кольском полуострове. Материалом для исследования служат документы и рукописи, находящиеся в церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске Мурманской области. Выбор данного прихода обусловлен тем, что случай Кировска для «советского Заполярья» может рассматриваться как прецедентный: строящийся в эпоху социализма город не мог быть заявлен иначе как атеистический. Тем не менее в послевоенный период (1946 год) в нем открывается первая в области православная церковь. Целью исследования стало выявление ключевых смыслов и структурно-повествовательной стереотипии в различных формах презентации биографий представителей духовенства кировского прихода. В таких биографиях отчетливо выделяются устойчивые конструкции и повествовательные инстанции. Анализ имеющихся данных позволил создать «коллективный биографический портрет священнослужителей советского периода» с позиций воцерковленных людей. В результате было установлено, что жизненный сценарий духовного лица, с позиций членов общины и прихода, представляет биографию, согласующуюся с агиографическим образцом. Жизненный путь священнослужителя выстраивается по принципу доказательства его сакрального статуса.

Ключевые слова: священнослужители, церковный приход, биографическая траектория, Кировск, Мурманская область

ВВЕДЕНИЕ

За несколько последних десятилетий религиозный облик Мурманской области существенно изменился. Особенно заметной стала деятельность Русской православной церкви – выросло количество культовых сооружений, активизировалась церковная информационно-просветительская и издательская работа. В 2007 году начали печататься материалы научно-богословских конференций «Феодоритовские чтения» [4], [23], [27], выходят журнал Паломнического отдела Мурманской и Мончегорской митрополии Русской Православной церкви Московского Патриархата «Под сенью Трифона»¹ и другие периодические издания. Уже в период создания Мурманской и Мончегорской епархии (появилась в 1995 году) быстрыми темпами начала формироваться новая региональная православная историография, представленная трудами иеромонаха Митрофана (Баданина) [19], [20], священника Василия Вольского² и др. Публикации Н. П. Большаковой [2], Д. С. Лоскутова [14] и других краеведов свидетельствуют о взаимовлиянии религиозной историографии и исторического краеведения. В фокус внимания ученых-историков все чаще стали попадать биографии подвижников православия на Кольском Севере и деятельность священнослужителей³ [1].

Видов биографий много: исторические, литературные, официальные, некрологи и т. д. Они

различаются по способу представления, функции, жанру. Полной и построенной по совокупности критериев типологии биографий нет [24]. Методология биографических исследований едва ли может считаться устоявшейся и обоснованной [12]. Вместе с этим поле биографических исследований достаточно широко и предполагает разные подходы к изучению жизненных траекторий человека (см.: [5], [8], [22], [25], [26], [30], [33], [35] и др.). Фундаментальной опорой в методологическом плане в нашем случае можно считать социально-конструктивистскую парадигму [3], труды Х. Буде [36], а также работы, посвященные биографиям и личным историям верующих ([7], [11], [28], [32] и др.). Анализ взаимодействия священника и общины, духовенства и паствы, биографий духовенства предпринят в ряде исследований исторического, социологического и антропологического характера [10], [12], [13], [17], [18], [31], [34].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В данной работе методом контент-анализа изучаются материалы, содержащие информацию о жизненных траекториях священнослужителей, определенный период жизни которых был связан с Кольским полуостровом. Проанализированы документы, находящиеся в архиве церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа

Иисуса Христа, расположенной в городе Кировске. Выбор данного прихода обусловлен тем, что случай Кировска для «советского Заполярья» может рассматриваться как прецедентный. Город был построен в период активной урбанизации Кольского Севера. Молодой строящийся социалистический город не мог быть заявлен иначе как атеистический. Кировск (до 1934 года – Хибиногорск) был местом, куда были направлены или сосланы [9], приехали добровольно люди из разных краев и областей России [29], в том числе бывшие церковнослужители (священники, старосты и др.)⁴. Самую многочисленную категорию населения составляли высланные бывшие крестьяне. Латентная религиозная жизнь в советский период в Кировске была весьма насыщенной. Церковь существует с 1946 года. Это был первый православный храм, открывшийся в области в послевоенный период⁵ [6]. Церковь иконы Казанской Божией Матери просуществовала на улице Полярной до 1985 года. Когда здание пришло в негодность, исполком Кировского горсовета выделил списанный деревянный дом под обустройство одноименной церкви на улице Железнодорожной в поселке Юкспорт, на удалении от города⁶. Решением Священного Синода 20 апреля 2005 года храм был преобразован в Хибиногорский женский монастырь⁷. Новое церковное здание было построено в 2004 году уже в городском пространстве на улице Солнечной⁸.

БИОГРАФИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ

За период существования прихода в нем сменилось более 30 священнослужителей. Их жизнеописание – часть местной истории. Рассмотрим жизненный путь духовного лица можно с различных позиций: с точки зрения членов его семьи, церковной общины, прихожан, а также городских жителей с различным отношением к жизни Церкви. Остановимся на исследовании и описании повествовательной структуры биографий священнослужителей с позиций членов церковной общины и прихода. В отредактированном церковном летописцем А. А. Ляпинской варианте содержатся 38 биографий священнослужителей, разных по объему и содержанию. В частности, в рукописи «История храмов в горах Хибинских» [15], а также в книге «Память жив будет...» [16] автор выстраивает биографические траектории всех священников, завершивших на данный момент свое служение в Кировске. Сведения о событиях из жизни духовных лиц кировского прихода также содержатся в документальной базе, называемой членами общины «церковным архивом». Принятая для государственных архивов систематизация документов отсутствует. С данным «архивом» можно ознакомиться в библиотеке церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске, улица Солнечная, 6. Имеющиеся

материалы можно подразделить на рукописные записи (воспоминания прихожан, записанные летописцем А. А. Ляпинской), фотографии, вырезки из газет, освещающие деятельность церкви и священнослужителей, и электронные папки с файлами. Электронные файлы разделены тематически: папки с файлами, содержащие информацию о жизни духовных лиц: личные дела священнослужителей, автобиографии, анкеты и учетные карточки на служителей культа, доносы на священнослужителей; протоколы заседаний церковного совета, пастырские послания; отчеты о хозяйственной деятельности. С частью материалов можно ознакомиться на личной странице прихода церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа в городе Кировске на сайте социальной сети «ВКонтакте», в разделе «История прихода»⁹.

На основе анализа имеющихся данных был создан «коллективный биографический портрет священнослужителей советского периода» с позиций воцерковленных людей. В таких биографиях отчетливо выделяются устойчивые конструкции и повествовательные инстанции, для обозначения которых мы пока используем отчасти устаревшую, но привычную категорию «мотив».

«МУЧЕНИЧЕСТВО»

Одной из самых необходимых для конструирования биографии священника является идея «мученичества». Она связана в первую очередь с представлениями о тяжелой доле репрессированных священников, а также с гонениями на церковь в целом. Воплощение находится в серии повествовательных мотивов, с одной стороны, опирающихся на биографические факты, с другой стороны, представляющих типовые интерпретативные схемы, под которые подстраивается реальность.

Данные церковного архива показывают, что большинство священников кировского прихода имели судимости, полученные в период с 1947 по 1949 год, преимущественно по 58-й статье Уголовного кодекса – за контрреволюционную деятельность. С февраля 1956 года, когда начался процесс реабилитации, ни один настоятель храма не был осужден по политическим статьям, а ранее имеющие судимости были оправданы.

Большой массив данных, находящихся в архиве, представляет так называемое «дело отца Дорофея». Игумен Дорофей служил в Казанской церкви кировского прихода в 1971–1972 годах. Придя в храм, он озаботился вопросами укомплектования штата священнослужителей церкви, порядка богослужений, обязанностей каждого члена притча и членов исполнительного органа, церковной дисциплины и права. Активная деятельность священника вызвала резонанс в приходе. Многочисленные жалобы и доносы

постоянно поступали в Кировский горисполком уполномоченному по делам религий (документы, свидетельствующие об этом, содержатся в церковном архиве). Претензии касались как действий, так и личностных характеристик священнослужителя. Отца Дорофея неоднократно вызывали на беседу к секретарю горисполкома на предмет нарушений советских законов о религиозных культурах. Представители власти предлагали не вмешиваться в хозяйственные дела церкви. О происходящем в приходе подробно сообщали (личность сообщавшего в документах не фигурирует) уполномоченному Совету по делам религий при Совете министров СССР по Мурманской области. В одном из заявлений указано на нежелательность дальнейшего пребывания священника Д. В. Смирнова в кировской церкви. Кульминацией разногласий в приходе стало обвинение о. Дорофея в соvrащении малолетних. Сведения документальной части истории прихода и его интерпретация летописцем, а вслед за ним и членами общины, сохранившими память об этом событии, в данном моменте расходятся:

«Рассказывали прихожане, что раздор произошел потому, что отец Дорофей решил сменить казначея. Такое нападение вражье попустил господь для укрепления в вере! Клевету на батюшку возвели немислимую. Подстроила все казначей: подкупила подростков, деньги им заплатила, чтобы лжесвидетельствовали. Составила ложное обвинение в соvrащении малолетних. <...> Имя ее теперь никто и вспомнить не может»¹⁰ [15: 28].

Отметим, что имя казначея неоднократно упоминается в документах, но в изложении оно предается забвению, в отличие от имени священника. После ареста игумен был осужден сроком на два года. Таким образом, отец Дорофей вошел в историю кировского прихода как мученик и «безвинный страдалец, жертвенно стоявший за веру» [15: 29].

Жизненный путь священников кировского прихода выстраивается как полный «скорбей и лишений». По мнению членов общины, это обстоятельство необходимо для того, чтобы быть «избранным»:

«Когда открыли в Кировске храм в честь Казанской иконы Божией матери, Степан Васильевич принял священный сан. Сердце и душа его были открыты человеческому горю, потому что он сам прошел через такие же страдания и сохранил верность Церкви Святой, верность богу нашему. Так, обычный русский крестьянин, рыбак, не получивший богословского образования, но искренне возлюбивший господя, пронес верность Церкви через все испытания. Он пострадал за любовь к Дому Божию, за пение на клиросе, он исповедовал веру в те страшные годы, и его дети и его жена вместе с ним прошли этим тесным, скорбным путем. Господь увидел его веру и терпение и сделал его своим избранным сосудом – священнослужителем»¹¹.

В приведенном примере изложение биографии выстраивается по «житийному образцу».

Имеющиеся материалы позволили установить: несмотря на то что в отношении кировского прихода не было агрессивной религиозной политики, священников часто переводили с места на место. Ни один священник вплоть до середины 1980-х годов не служил в приходе более двух лет. Такая частая смена «духовника» воспринималась очень болезненно:

«Уполномоченный по делам русской православной церкви мог отказать или лишить регистрации, без которой они не имели права служить, поэтому их так часто переводили с места на место. Эти переезды, житейская неустроенность, неуверенность не создавали лучших условий для знания своей паствы и руководства духовным развитием жаждущих» [15: 41].

Переходы священнослужителей с одного места на другое не только указывают на нелегкую судьбу священников, но и характеризуют специфику советской религиозной политики.

Мотивы репрессий и борьбы с властью в биографиях священников постепенно заменяются мотивом «пробивания безбожничества»:

«<...> А самое главное, как говорит апостол, что вера познается по делам, – это дела его. Если мы замолчим, камни возопиют. Дела мы видим: построен храм в городе Кировске. Через это пришло множество людей, новых людей. Эти люди пришли благодаря тому, что здесь построен храм. Много батюшка трудился для того, чтобы привести людей к Богу. Особенно руководителей <...> Благодаря его заслугам, что он постоянно не забывал о том, что надо строить храм, и пробивал то безбожие, которое царило в Кировске. То руководство не соглашалось, не хотело слушать... Сейчас благодаря, конечно же, его усилиям в храме можно увидеть городское руководство, руководство комбината, и не просто увидеть, а они заботятся, помогают. Храм, украшаясь, преображаясь (такая связь тайная, невидимая), влияет на город. Чем больше укрепляется храм, тем город становится краше, лучше»¹² [16: 96–97].

Несмотря на изменение религиозной политики в отношении Церкви в пользу последней, мотив «нелегкой доли» священнослужителя продолжает сохраняться и находит отражение в биографиях. Священники, приехавшие служить на Кольский Север, вынуждены бороться за одухотворение исторически безбожной территории путем постройки церковных сооружений.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ

Священник, «заслуживший биографию», обладает высоко оцениваемыми личностными и профессиональными качествами. Он способен понимать невысказанные вопросы прихожан, умеет отвечать на них, доступно объяснять канонический текст и т. д. Одной из самых значимых характеристик, которая обязательно отражается в биографии, является качество проповеди духовного лица:

«Протоиерей Василий (Химчук) был общительным, добрым человеком, мог быть в иные минуты решительным и строгим. А какой это был проповедник! Прихожане, слушая проповеди отца Василия, ловили каждое его

слово, пересказывали друг другу содержание. Так как не было православной литературы. В своих проповедях отец Василий отвечал на невысказанные мысли прихожан, на незадаанные вопросы. Это укрепляло в людях понимание того, что господь знает все мысли и своевременно дает ответы»¹³ [15: 61].

Священник таким образом «показывает» и доказывает свой особый статус и незримую связь с богом. Цитата из устных воспоминаний, собранных А. А. Ляпинской, подтверждает, что записанные и устные биографические рассказы о священниках сопоставимы с агиографическими повествованиями составителей житий, демонстрирующих связь святого с Небесными силами [21].

Отметим, что содержанием проповедей всегда интересовались в совете по делам религий. Однако система их изучения отсутствовала, на что неоднократно указывается в официальных отчетах о деятельности религиозных объединений и состоянии религиозной обрядности в области¹⁴.

В памяти прихожан сохраняются, помимо проповедей, крылатые фразы священников: «По домам! По домам! И дома должна быть благодать!» [15: 17], говорил священнослужитель И. Кутузов, служивший в Казанской церкви в 1947–1948 и 1960 годах.

На особый статус духовного лица могут указывать его сверхспособности и прозорливость, проявляющиеся разными способами:

«Всегда поражалась чувству прозорливости отца Михаила: “Ну, кто у тебя на сей раз заболел?” Батюшка никогда не отказывал в молитвенной помощи <...>. Сильные молитвы отца Михаила ощутила на себе и на своих сродниках»¹⁵ [16: 73]; «Батюшка всех всегда выслушивал, всем помогал. Он прозорливо видел глубины человеческих душ: Господь ему открывал! Чувствуется, что злые силы, одолевающие человека, боятся молитв отца Михаила»¹⁶ [16: 69–70].

Священник может помочь выздороветь или принять правильное решение:

«Обращалась к батюшке за помощью духовной во всех жизненных ситуациях, всё были какие-то сложные и переживательные. Вот дочка замуж выходила – волнуясь, а батюшка утешал: “Всё господь управит, не волнуйтесь. И день свадьбы тоже...” Так и вышло всё складно»¹⁷ [16: 88].

По воспоминаниям прихожан, прозорливостью отличался священник Иоанн Шастов:

«В новый открытый храм приезжало много людей, а ночевать было негде. Прихожане их устраивали по своим домам. У нас всегда много гостей ночевало. И пришел еще один старичок, просился ночевать. А я ему ответила – посмотри, сколько народу, негде ногой встать! Старичка этого больше не видели. А на следующий день отец Иоанн говорит: «Что же ты наделала? Как же ты Николая-Угодника ночевать не пустила?»¹⁸ [15: 15–16].

Если согласиться с утверждением, что

«святые соотносятся с такими мифологическими персонажами, как колдуны» и «их человеческая (или близкая к человеческой) природа, с одной стороны,

и сверхчеловеческие способности, с другой, во многом сближают их, а то и способствуют их отождествлению» [21: 17],

то биографии священнослужителей в части, повествующей о сверхспособностях, также вполне соответствуют «житийному образцу».

«НАЧАЛО» И ВЫБОР ДУХОВНОГО ПУТИ

Анализ биографий позволил выделить основные отправные точки, послужившие причиной выбора священниками «особого» пути: семейные традиции, исключительные обстоятельства, осознанный выбор, знамения. Перечисленные факторы нередко суммируются, при этом семейные традиции выступают доминирующим обоснованием выбора пути церковнослужения. Большинство священников, служивших в Кировске, родились в семьях духовенства:

«О себе он рассказывал, что, когда его крестили в младенчестве, священник сказал: “Этот будет батюшкой”. Отец его тоже был священнослужителем, и мальчик к десяти годам читал на церковно-славянском и полюбил чтение духовных книг. После окончания школы и армии учился заочно в Московской духовной семинарии»¹⁹ [15: 61].

Если священники были сиротами, то отмечается, что они были «воспитаны верующими людьми». Родиной почти всех служивших в Кировске священников была Украина. В местах, где они родились и выросли, всегда были действующие церкви и не прерывались религиозные традиции. Это очень важно для биографа, поскольку дает возможность воплотить идею о предопределенности священнослужения, благодаря совокупности обстоятельств. Так, влияние семейной и локальной культуры усиливается и закрепляется мотивом чудесного знамения:

«Отец Михаил был очевидцем явленного чуда Божия в селе Либохора Львовской области: в храме Успения Божией Матери 28 августа отпечатался на стекле лик Пресвятой Богородицы на уровне второго этажа над входом в храм. Он помнил, что длилось это целый месяц. Люди стекались из разных мест толпами: днем и ночью шли пешком, ехали на машинах поклониться Божией Матери. Власти выставили войсковое ограждение, закрывая доступ к храму. А народ, оставляя машины в соседнем селе, пробирался через поля к пресвятой Богородице. <...>. В отроческом возрасте Михаилу во сне явилась умершая мать и сказала: “Сынок, держись храма!”. Это желание постоянно возрастало в душе Михаила. Родители и родственники – все были верующие, православные. Да и вера подкреплялась действиями: в их селе власти пытались отнять церковь у людей, но жители становились стеной, сменяя друг друга, дежурили день и ночь» [16: 7].

НАСТАВНИК

Период становления под руководством наставника – важная часть жизненного пути духовного лица. У каждого священника был духовный учитель, «жизненную школу» которого он прошел:

«В послушании у отца Георгия никто не выдерживал больше полгода-года: просили перевода или совсем убежали. Владыка предлагал отцу Михаилу рукополагаться во иереи, но он отказывался – хотел еще поучиться у отца Георгия. И учился смирению и послушанию <...> в дальнейшем состоялось духовное возрастание при служении с такими ревностными духовными пастырями, как Алексей Дендак, отец Георгий Казак, отец Иоанн Лапко и другие. Это была жизненная духовная школа»²⁰ [16: 11].

Прохождение «духовной школы», по мнению самих священнослужителей, необходимо для получения достойного «воспитания». Из воспоминаний священника И. Баюра:

«Со мной служили маститые батюшки: отец Алексей Дендак, отец Василий Химчук. В 1983 году настоятелем Казанского храма назначили протоиерея Василия Химчука. <...> Он очень строго, с большим благоговением относился к богослужениям. <...> Подвергал большим взысканиям за небрежное совершение богослужений. Это была для меня хорошая закалка. Тогда я многого не понимал, строгость казалась мне ненужной. Но теперь я вижу, что под руководством отца Василия получил достойное воспитание. А иначе я, наверное, никогда не стал бы настоятелем такого огромного собора в Мончегорске»²¹.

Обучение у хорошего наставника важно не только для получения соответствующего опыта, но и для управления большим приходом.

СЕМЬЯ СВЯЩЕННИКА

Если у священника есть семья, то в биографии обязательно отражается его отношение к ней:

«Показательно отношение батюшки к семье. Отец Михаил был прекрасным семьянином. Они с матушкой Ярославой прожили счастливую жизнь. Матушка всегда была его верной помощницей. Своих дочек батюшка воспитывал прежде всего своим примером: примером любви, труда и веры в Бога. Девочки выросли в храме, на клиросе помогали матушке петь и читать. Семья для батюшки была прежде всего семьей во Христе, семьей не только его близких, но и его прихожан, вообще всех, кто нуждался в нем и приходил за советом»²² [16: 39].

Духовный статус подкрепляется тем, что священнослужитель и дома продолжает оставаться в сани: «Мне кажется, что папа даже дома был не просто человек, а как священник»²³ [16: 42]. Родители детей, рожденных в семье священнослужителя, по представлениям членов общины, должны быть образцово-показательным примером семейного домостроя. В семье должны отмечаться все православные праздники и сохраняться православные традиции. Например, в семье о. Михаила Сыпльвого сохранялся обычай 19 декабря, ко дню памяти святителя Николая, класть детям подарки под подушку: «Как только нам святитель Николай подарит что-нибудь, так сразу потом появляется это же в магазине!»²⁴ [16: 37].

Жене священнослужителя отводится роль верной спутницы и помощницы во всех делах, связанных с церковной жизнью. Сюжеты, связанные с ролью жены священника, требуют отдельного рассмотрения.

ПОСМЕРТНОЕ БЫТИЕ

По представлениям воцерковленных верующих и членов общины, «земной» путь священника и его деяния в самом широком смысле продолжают и после смерти, но только в ином качестве. В биографию органично включается агиографический мотив посмертного чуда:

«Становится посещаемой могила протоиерея Илии обращающихся к нему. Известна исцеленная от недуга женщина, просившая на его могиле помощи. Открывает Господь молитвенное заступление батюшки за нас. Сильно ошутимо нами, что протоирей Илия духом не покидает нас» [15: 18].

Священнослужитель продолжает «жить», например, в построенной им церкви:

«Великолепное Промышление божие, что в моей жизни состоялась встреча с отцом Михаилом и она не оборвалась с его уходом в мир иной <...>. Мы понимали, что не можем без него и не желали выпустить его за ворота храма. Батюшка не мог покинуть храм – это его жизнь. По прошению прихожан упокоен наш родной батюшка Михаил рядом с храмом, который сам и строил. Отец Михаил и храм просто неотделимы, и радуется нас, что батюшка рядом» [16: 97].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительный итог, отметим, что у биографий представителей духовенства свои каноны. Жизненный сценарий духовного лица, с позиций членов общины и кировского прихода, представляет биографию, согласующуюся с агиографическим образцом. Социальная реальность советского времени предоставила широкие возможности для воплощения идеи «мученичества» в различных конкретизирующих формах. Жизненный путь духовного лица выстраивается по принципу доказательства его сакрального статуса. На этот статус указывают сверхспособности и провидчество, а также свойства, которые по существу являются профессиональными (ораторские навыки, умение выстроить проповедь, выслушать человека, учительствовать), но в биографии предстают как свойства исключительной личности. Главными причинами выбора пути церковнослужения признаются семейные традиции, особые обстоятельства, осознанный выбор и чудесные знамения, а окончательному становлению священника способствует мудрый наставник. Земной путь священника и его служение продолжают и после смерти в виде посмертных чудес или просто незримого присутствия в жизни и памяти верующих.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под сенью Трифона // Журнал паломнического отдела Мурманской и Мончегорской епархии. 2001. № 1.
- ² Вольский В. В гостях у Жоховых // Миссионерская православная газета. 2005. № 1. Январь. С. 4–5; Вольский В. Протоиерей Сергей Кузнецов // Миссионерская православная газета. 2001. № 10. Октябрь. С. 4–5.
- ³ Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.
- ⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 98. Л. 43.
- ⁵ Появление первой церкви в Кировске, помимо указанного обстоятельства, было обусловлено несколькими факторами. Прежде всего государственной политикой. После потепления отношений государства и РПЦ, а также исторической встречи трех митрополитов со Сталиным – 4 сентября 1943 года ситуация ненадолго изменилась, и у православных христиан появилась возможность вновь открывать храмы по ходатайствам верующих. Впоследствии количество православных молитвенных зданий и монастырей, официально признанных государством, возросло.
- ⁶ Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области в городе Кировске» (ГОКУ ГАМО в г. Кировске). Ф. Р–7. Оп. 1. Д. 2169. Л. 25.
- ⁷ Журналы заседания Священного Синода Русской православной церкви от 20 апреля 2005 года (п. 12 журнала 29) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=122> (дата обращения 12.12.2018).
- ⁸ ГОКУ ГАМО в г. Кировске Ф. Р–432. Оп. 1. Д. 322. Л. 27.
- ⁹ Личная страница прихода церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа г. Кировск в Социальной сети «ВКонтакте»: <https://vk.com/club127013566>.
- ¹⁰ Из воспоминаний членов общины. Источник: Ляпинская А. А. История храмов в горах Хибинских. Б. м., 2014. 135 с. (рукопись). С рукописью можно ознакомиться в библиотеке церкви Спаса Нерукотворенного Образа Господа Иисуса Христа, г. Кировск, Солнечная, 6.
- ¹¹ Ляпинская А. Тихая вера богу // Миссионерская православная газета. 2004. № 8. Август. С. 4.
- ¹² Иерей Георгий Звонцов о священнике Михаиле Сыпльвом. Источник: [16].
- ¹³ Из воспоминаний А. А. Ляпинской. Самозапись. Источник: [15].
- ¹⁴ «В проповедях находят отражение поддержка курса перестройки, возрождение нравственности, уважение и соблюдение требований законодательства, поддержка внутренней и внешней политики Советского Союза. Система изучения содержания проповедей отсутствует, хотя отдельные материалы широко используются в работе». Источник: ГОКУ ГАМО. Ф. Р–1199. Оп. 1. Д. 37. Л. 9.
- ¹⁵ Из воспоминаний Валентины В. Источник: [16].
- ¹⁶ Из воспоминаний Таисии А. Источник: [16].
- ¹⁷ Из воспоминаний Надежды Дмитриевны Долговой. Источник: [16].
- ¹⁸ Из воспоминаний Елены Матушкиной. Источник: [15].
- ¹⁹ Отрывок из записи пересказа воспоминаний священника Василия Химчука о себе. Записано Ляпинской А. А. от членов общины. Источник: [15].
- ²⁰ Записано Ляпинской А. А. от жены священнослужителя Михаила Сыпльвого. Источник: [16].
- ²¹ Сиротинская Г. «Я избрал свой путь и пойду по нему» // Миссионерская православная газета. 2002. № 7. С. 4.
- ²² Из воспоминаний Екатерины Т. Источник: [16].
- ²³ Из воспоминаний дочери священника Михаила Сыпльвого. Источник: [16].
- ²⁴ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардилева Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в начале XX века. Мурманск: МГТУ, 2015. 253 с.
2. Большакова Н. П. Летопись души: к 15-летию Мурманской и Мончегорской епархии: В 2 кн. Кн. 2: Дороги жизни. Мурманск: Опимах, 2010. 303 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере: Материалы региональной научно-богословской историко-краеведческой конференции. Вторые Феодоритовские чтения / Под ред. игумена Митрофана (Баданина). СПб.: Ладан, 2010. 304 с.
5. Голофаст В. Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
6. Давыдова А. С. История храмов г. Кировске в устных преданиях // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2015. Вып. 7. С. 146–161.
7. Дивисенко К. С., Дивисенко О. В. Биографические исследования реинтерпретации личной истории у православных верующих // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4. С. 24–37.
8. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Обращенный взгляд / Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 100–119.
9. Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибингорска: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.
10. Знаменский П. В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра. СПб.: Коло, 2003. 800 с.
11. Исаева В. Б. Феномен конверсации: конструирование религиозной идентичности в биографическом нарративе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 1. С. 127–147.
12. Козлова Л. А. Биографическое исследование российской социологии: предварительные теоретико-методологические замечания // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 59–87.
13. Леонтьева Т. Г. Сельское духовенство: политика и прихожане (1900–1924) // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XVII. Helsinki: Venajanjalta-Euroopaninstituutti, 2000. С. 255–274.
14. Лоскутов Д. С. «Путь Варлаама». Страницы дневника // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения, город Кандалакша – село Варзуга, 11–14 августа 2011 года: Материалы междунар. историко-краеведческой конф. / [Под ред. игумена Митрофана (Баданина)]. Мурманск: Изд-во Мурманской и Мончегорской епархии; СПб.: Ладан, 2012. С. 268–273.
15. Ляпинская А. А. История храмов в горах Хибинских. Б. м., 2014. 135 с. (рукопись)
16. Ляпинская А. А. «Памятью жив будет...». Апатиты, 2015. 103 с.

17. Макарова В. Ю. «Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству у священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 70–86.
18. Мангилова А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург: УралНАУКА, 1998. 251 с.
19. Митрофан (Баданин). Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей: исторические материалы к прославлению и написанию жития. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2002. 141 с.
20. Митрофан (Баданин). Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск: Изд. Мурманской епархии, 2003. 295 с.
21. Мороз А. Б. Народная агиография. Устные и книжные основы фольклорного культа святых. М.: Неолит, 2017. 443 с.
22. Петрина А. Б. Возможности современной интеллектуальной истории для развития биографического жанра // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 332–336.
23. Преподобный Феодорит Кольский и его духовное наследие: Материалы региональной научно-богословской конф. Первые Феодоритовские чтения / Под ред. Иеромонаха Митрофана (Баданина). СПб.: Ладан, 2007. 127 с.
24. Разумова И. А. Биография советского ученого: прагматика текста // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. Вып. 11 (Гуманитарные исследования). С. 5–17.
25. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 386 с.
26. Розенблюм О. М. Каналы опыта и структура переживания в «нормативной биографии» (на материале «Зои» М. Алигер) // Право на имя. Биографика 20 века. Эпоха и личность: ракурсы исторического понимания. СПб., 2008. С. 149–155.
27. Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения: Материалы междунар. историко-краеведческой конф. / [Под ред. игумена Митрофана (Баданина)]. Мурманск: Изд-во Мурманской и Мончегорской епархий; СПб.: Ладан, 2012. 304 с.
28. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М.: Индрик, 2002. 352 с.
29. Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7 (120). С. 27–30.
30. Тернер Р. Сравнительный контент-анализ биографий // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 121–134.
31. Тупахина О. В. Религиозная биография как форма нарративизации жизненного мира верующих (на примере православных христиан) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 1. С. 185–197.
32. Фаворский Е. А., Соболев А. Н., Флоренский П. А. Православные священники – собиратели русского фольклора. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2004. 414 с.
33. Цветаева Н. Н. Биографический дискурс: свидетельства об изменениях в культуре // Право на имя. Биографика 20 века. Методология составления и изучения биографии: Четвертые междунар. чтения памяти В. Иофе. 17–18 апреля 2006 г. СПб., 2007. С. 111–120.
34. Чумакова Т. Православные священники – исследователи религии народов России // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. 2018. № 1. С. 12–32.
35. Юмашева Ю. Ю. Историко-биографические исследования: методы и базы данных // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 146–152.
36. Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen – eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt // Kohli M., Robert G. (Hrsg.). Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven. Stuttgart: Metzler, 1984. S. 7–28.

Davydova A. S., Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences
(Apatity, Russian Federation)

CONSTRUCTING THE BIOGRAPHIES OF THE CLERGYMEN OF ONE CHURCH

The article presents the first attempt to show the biographical paths of the Orthodox Church clergy of Kirovsk town in the Murmansk region. Data for the study was drawn from the certain documents and the manuscripts of “chronicles” from the archive of the Church of the Savior in Kirovsk. Kirovsk was built during the first half of the XX century and was characterized by atheistic atmosphere and ideology to set an example for other cities in the Soviet North of the same period, which explains why the case of Kirovsk has been chosen for the study. The Soviet state had to declare the young socialistic town under construction an atheistic area. However, in 1946 an Orthodox church was opened in Kirovsk, the first one in the Murmansk region after the Second World War. The analysis of the existing data enabled us to created “collective biographical description” of the clergy of the Soviet period from the point of view of religious people. The aim of the study was to identify the key meanings and structural narrative stereotypes in the various forms of presentation of the biographies of the representatives of the Kirovsk church clergy. Certain recurrent constructs and narrative patterns clearly stand out in the biographies. A significant result was that in the opinion of the parish and community members the clergy’s personal scenario is presenting a biography consistent with a hagiographical image. The clergy life journey depends upon the concept of proof of his sacral status.

Key words: clerics, parish, biographical path, Kirovsk, Murmansk region

REFERENCES

1. Bardileva Yu. P. Russian Orthodox Church in the Kola North in the early XX century. Murmansk, 2015. 253 p. (In Russ.)
2. Bol'shakova N. P. Chronicle of the soul: In 2 volumes: to the 15th anniversary of the Murmansk and Monchegorsk diocese. Book 2: Roads of life. Murmansk, 2010. 303 p. (In Russ.)
3. Berger P., Lukman T. The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Moscow, 1995. 323 p. (In Russ.)
4. Varzuga – the first Russian settlement in the Kola North. *Proceedings of the Regional Scientific and Theological Regional Historical Conference. The Second Theodoret Readings.* (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). St. Petersburg, 2010. 304 p. (In Russ.)

5. Golofast V. B. Variety of biographical narratives. *Sociological Journal*. 1995. No 1. P. 71–89. (In Russ.)
6. Davydova A. S. History of Kirovsk temples in storytelling. *Proceedings of Kola Science Centre*. 2015. Issue 7. P. 146–161. (In Russ.)
7. Divisenko K. S., Divisenko O. V. Biographical study of the reinterpretation of personal history among Orthodox believers. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2016. Vol. XIX. No 4. P. 24–37. (In Russ.)
8. Dubin B. V. Biography, reputation, questionnaire (on the forms of integrating experience into written culture). *Reverse view. Word – writing – literature: Essays on the sociology of modern culture*. Moscow, 2001. P. 100–119. (In Russ.)
9. Zmeyaeva O. V., Razumova I. A. Special settlers of Hibinogorsk: dynamics of identities. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 7 (168). P. 7–14. (In Russ.)
10. Znamenskiy P. V. Parish clergy in Russia. Parish clergy in Russia since the reform of Peter I. St. Petersburg, 2003. 800 p. (In Russ.)
11. Isayeva V. B. Conversion phenomenon: constructing religious identity in a biographical narrative. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2010. Vol. XIII. No 1. P. 127–147. (In Russ.)
12. Kozlova L. A. Biographical study of Russian sociology: preliminary theoretical and methodological notes. *Sociological Journal*. 2007. No 2. P. 59–87. (In Russ.)
13. Leont'yeva T. G. Rural clergy: politics and worshipers (1900–1924). *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XVII. Helsinki, 2000. P. 255–274. (In Russ.)
14. Loskutov D. S. “The way of Barlaam”. Diary pages. *North and History: the Fourth Theodoret Readings, the city of Kandalaksha – the village of Varzuga, August 11–14, 2011: Proceedings of the International History and Area Studies Conference*. (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). Murmansk, St. Petersburg, 2012. P. 268–273. (In Russ.)
15. Lyapinskaya A. A. The history of temples in the Khibiny mountains. 2014. 135 p. (manuscript) (In Russ.)
16. Lyapinskaya A. A. “Memory will keep him alive...”. Apatity, 2015. 103 p. (In Russ.)
17. Makarova V. Yu. “He drinks but never gets drunk”: the attitude of peasants to drunkenness among priests. *Dreams of the Virgin. Studies on the anthropology of religion*. St. Petersburg, 2006. P. 70–86. (In Russ.)
18. Mangileva A. V. The clergy in the Urals in the first half of the XIX century (on the example of the Perm diocese). Yekaterinburg, 1998. 251 p. (In Russ.)
19. Mitrofan (Badanin). Blessed Theodoret of Kola, the enlightener of the Lapps: historical materials for glorification and writing a hagiography. Murmansk, 2002. 141 p. (In Russ.)
20. Mitrofan (Badanin). Veneralbe Tryphon of Pechenga and its spiritual heritage. Life, legends, historical documents. Experience of critical rethinking. Murmansk, 2003. 295 c. (In Russ.)
21. Moroz A. B. Folk hagiography. Oral and book foundations of the folk worship of saints. Moscow, 2017. 443 p. (In Russ.)
22. Petrina A. B. The possibilities of modern intellectual history for the development of the biography genre biography. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya*. 2010. Vol. 9. Issue 1: History. P. 332–336. (In Russ.)
23. Venerable Theodoret of Kola and his spiritual heritage: Proceedings of the Regional Scientific and Theological Conference. The First Theodoret Readings. (Hieromonk Mitrofan (Badanin), Ed.). St. Petersburg, 2007. 127 p. (In Russ.)
24. Razumova I. A. Biography of a Soviet scientist: pragmatics of the text. *Proceedings of Kola Science Centre*. 2017. Issue 11. (Humanitarian Studies). P. 5–17. (In Russ.)
25. Rozhdestvenskaya E. Yu. Biographical method in sociology. Moscow, 2012. 386 p. (In Russ.)
26. Rozenblyum O. M. Channels of experience and the structure of experiences in the “normative biography” (by the example of Margarita Aliger’s poem *Zoya*). *The right to a name. Biography studies in the XX century. Epoch and personality: various perspectives of historical understanding*. St. Petersburg, 2008. P. 149–155. (In Russ.)
27. North and history. *Proceedings of the Regional Scientific and Theological Conference. The Fourth Theodoret Readings*. (Hegumen Mitrofan (Badanin), Ed.). Murmansk, St. Petersburg, 2012. 304 p. (In Russ.)
28. Stefanovich P. S. Parish and parish clergy in Russia in the XVI and the XVII centuries. Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.)
29. Sulejmanova O. A. Luggage of migrants (life of things in culture). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2011. No 7 (120). P. 27–30. (In Russ.)
30. Turner R. Comparative content analysis of biographies. *Voprosy sotsiologii*. 1992. Vol. 1. No 1. P. 121–134. (In Russ.)
31. Tupakhina O. V. Religious biography as a form of narrativization of the life of believers (by the example of Orthodox Christians). *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012. No 1. P. 185–197. (In Russ.)
32. Favorский E. A., Sobolev A. N., Florensky P. A. Orthodox priests – collectors of Russian folklore. Moscow, 2004. 414 p. (In Russ.)
33. Tsvetaeva N. N. Biographical discourse: evidence of changes in culture. *The right to a name. Biography studies in the XX century. Methodology of compiling and studying biographies. April 17–18, 2006. The Fourth International Conference in Memoriam of Veniamin Iofe*. St. Petersburg, 2007. P. 111–120. (In Russ.)
34. Chumakova T. Orthodox priests — researchers of the native religions of the Russian Empire in the late XIX and the early XX centuries. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2018. No 1. P. 12–32. (In Russ.)
35. Yumasheva Yu. Yu. Historical and biographical research: methods and databases. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2015. No 4 (49). P. 146–152. (In Russ.)
36. Bude H. Rekonstruktion von Lebenskonstruktionen – eine Antwort auf die Frage Was die Biographieforschung bringt. *Kohli M., Robert G. (Hrsg.). Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beiträge und Forschungsperspektiven*. Stuttgart, 1984. S. 7–28.